

**КНИГА
ПЕРВАЯ**

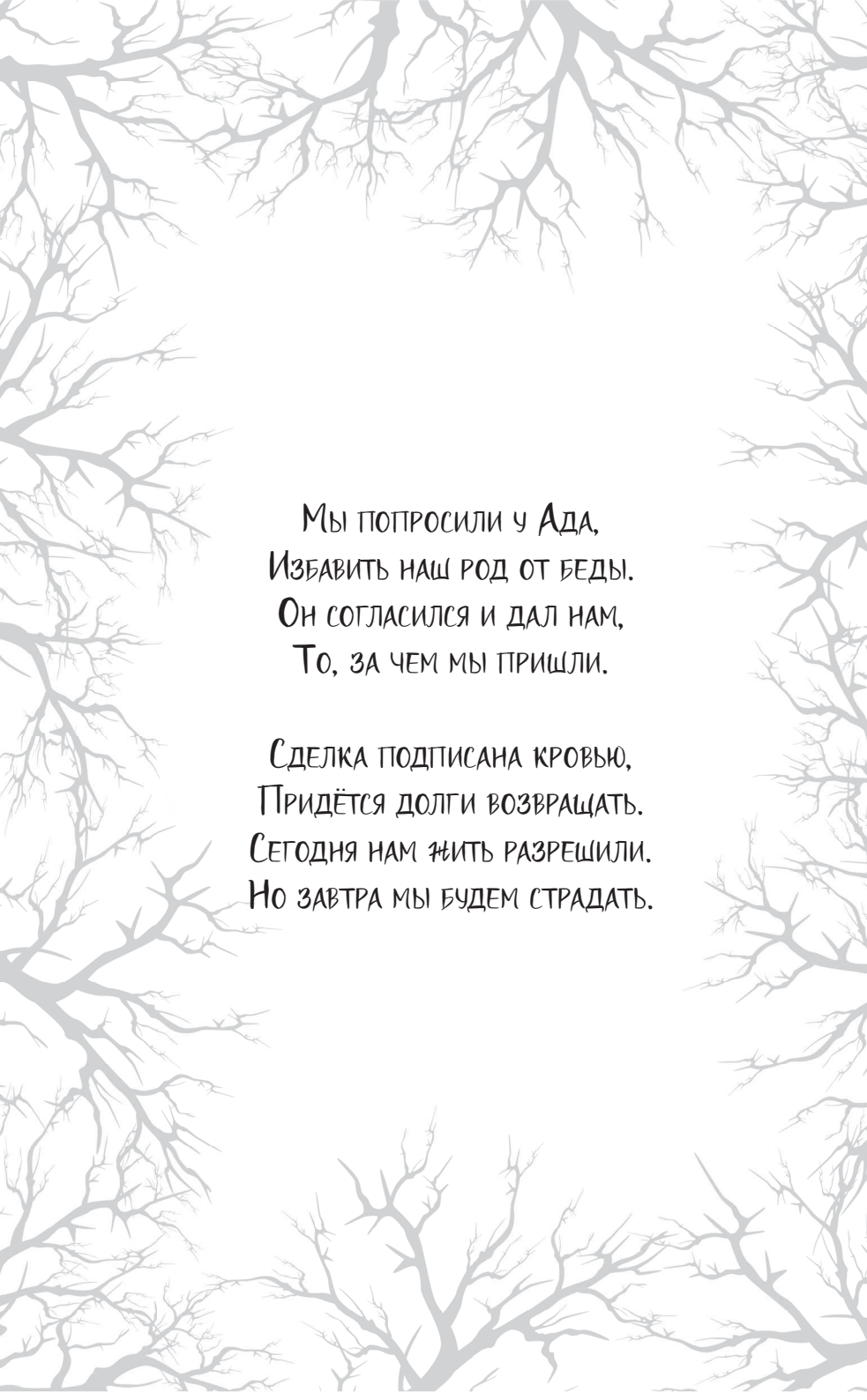
ЛИЯ АЛИСТЕР

НАСЛЕДИЕ
РОСФИЛДА

ГОРОД ТЕНЕЙ

Издательство АСТ
Москва

Мы попросили у Ада,
Избавить наш род от беды.
Он согласился и дал нам,
То, за чем мы пришли.

Сделка подписана кровью,
Придётся долги возвращать.
Сегодня нам жить разрешили.
Но завтра мы будем страдать.

ЧАСТЬ 1

ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ
НЕ УТРАТИТЬ СВОЙ РАЗУМ, КОГДА ВСЁ
ВОКРУГ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В БЕЗУМИЕ, —
ЭТО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ.

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ И МАКАРОНЫ С СЫРОМ

Утопленник. Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я увидела парня, стоящего посреди моей ванной комнаты. Его одежда была мокрая, в глазах стоял животный ужас, а кожа казалась мертво-бледной.

Минуту назад я пришла сюда, чтобы принять ванну, и никак не ожидала встретить здесь молчаливого незнакомца. Сначала я хотела закричать, убежать или схватить что-нибудь тяжёлое, чтобы отбиться. Но меня парализовал страх. Лёгкие свернулись, не давая сделать вдох. Ноги и руки онемели. Поэтому я просто стояла и молча наблюдала за парнем, а он наблюдал за мной.

Даже когда он сделал шаг в мою сторону, я не пошевелилась. Тело отказывалось мне подчиняться. Я словно видела сон наяву, не принимая в нём непосредственного участия. Пространство поглощала тьма. Вокруг нас стояла мёртвая тишина, и лишь в моей голове звенела фраза: «Смерть — это только начало». Четыре слова повторялись вновь и вновь, болезненно высекаясь подкоркой.

Парень прошёл мимо меня и залез в ванну с пеной, которую я наполнила для себя, а затем с головой ушёл под воду. Так быстро, что я и глазом не успела моргнуть.

Страхнув оцепенение, я подлетела к ванне и полезла за ним. По локоть запустила руки в воду, игнорируя отвращение и страх. Но ванна оказалась пуста. Утопленник исчез.

Паника лавиной обрушилась на меня, и я закричала. Истошный крик пронёсся по стенам и ударил меня в грудь, заставляя действовать. Выбежав из ванной, я помчалась к двери, чтобы позвать на помощь. Но внезапно моя комната закружилась, ноги заплелись, и я, потеряв равновесие, упала на пол.

А затем мир погас.

* * *

Распахнув глаза, я руками сжала рот, пытаюсь предотвратить очередной крик. Каждая клеточка моего тела пульсировала, по коже струился пот, голова звенела от напряжения.

Тише, Джуди, это всего лишь сон...

Я уверяла себя, что всё в порядке, но всё равно не могла избавиться от всепоглощающего чувства страха. Он был таким осязаемым, что казалось, я могу дотронуться до него рукой.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Резко сев, я обхватила голову дрожащими руками. Тёмные силуэты и жуткие образы всё ещё мелькали перед глазами, вызывая панику и тревогу. Оглядевшись, я поняла, что сижу на полу. Какого чёрта?

Отгнав от себя страх, я решила найти этому рациональное объяснение.

Лунатизм.

Я просто ходила во сне.

Джуди, ты просто ходила во сне.

Поднявшись с пола, я села на кровать и прикрыла глаза, пытаясь отдышаться.

После гибели брата кошмары стали неотъемлемой частью моей жизни. Каждую ночь я оказывалась в ловушке собственного разума, осознавая, что покой и безопасность — всего лишь иллюзия. Сэм умер двенадцать месяцев назад. Этот год, полный недосказанности и боли, стал для меня настоящим испытанием. Я старалась смириться с потерей. Погружалась в учебу, писала заметки для школьной газеты, заводила новые знакомства. Даже посещала психолога, пока не поняла, что многозначительное молчание и краткие советы в конце сеанса мне не помогут. Но каждый мой шаг навстречу спасению был напрасен. Чем больше я пыталась отвлечься, тем больше ощущала пустоту. Под моими ногами будто разверзлась пропасть, и я не имела ни малейшего понятия, как из неё выбраться.

Проклятье.

Я вытерла мокрые от слёз щеки и достала дневник из-под подушки. Психолог однажды сказал мне, что сны, перенесённые на бумагу, перестают быть пугающими. Поэтому я старалась записывать их сразу же после пробуждения.

«Дорогой дневник, сегодня 13 сентября 1998 года.
Мне приснился парень...»

Я вздрогнула, когда раздался мамин голос, доносящийся с первого этажа:

— Джуди, спускайся ужинать.

— Надеюсь, не макароны с сыром, иначе меня стошнит, — бросила я, забыв о картонных стенах, пропускающих через себя каждый шорох.

— Ты что-то сказала?

— Минуту!

Быстро записав свой сон, я вернула дневник под подушку и спустилась вниз.

Столовая встретила меня полумраком. Шторы в нашем доме не открывались со времён похорон. Лампы в хрустальной люстре перегорели или же просто отказывались для нас светить, а висящие над столом бра едва справлялись со своей задачей. Не удивляйтесь, мы привыкли жить в полутьме. Она скрывала виноватые лица, пустые бутылки, валяющиеся под столом, и нелюбовь, сквозящую во взглядах.

Я села за стол спиной к зажжённому камину. Мне нравилось ощущать жар, проносющийся волнами по телу. Он напоминал мне об уюте, который давно забыл дорогу к этому дому. Мой взгляд зацепился за фотографию Сэма в белой рамке, висящую напротив стола. Раньше мне казалось, что на снимке брат искренне улыбается. Но в последнее время я вижу лишь взгляд исподлобья и злую ухмылку. Умер я, а не живёте вы — вот что сообщают мне его насмешливые глаза.

Я мысленно поставила галочку в графу «Выбросить эту чёртову фотографию».

Мама вышла из кухни с кривой улыбкой согрешившей монашки: что-то среднее между нарочитой скромностью и необузданным распутством. В руках она держала фарфоровую чашу, и я точно знала её содержимое. Каждый день на протяжении года она готовила одно и то же. Любимое блюдо Сэма — грёбаные макароны с грёбаным сыром.

— Джуди, мне кажется, что я слышала, как ты кричала, — мама присела напротив меня, поставила чашу на середину стола, а затем налила в свой бокал белое вино. По моим подсчётам, в ход пошла вторая бутылка. — Снова приснился кошмар?

— Да.

— Надо возобновить сеансы с психологом.

Я не ответила.

Задержав дыхание, я положила макароны в свою тарелку. Есть я их не собиралась. Впрочем, как и мама, её тарелка всегда оставалась пуста.

— Приятного аппетита, — улыбнулась мама.

Сомневаюсь.

— Спасибо.

— Как дела в школе?

Я подняла на неё вопросительный взгляд:

— Тебя на самом деле это интересует?

— Иначе я бы не спрашивала, — ответила она ласково, но с ноткой безразличия.

— Всё отлично, — солгала я.

— Славно.

Я уткнулась в тарелку, мама — в бокал. Повисшую между нами тишину разбавлял скрежет вилки по фарфоровой посуде. Этот звук уже успел стать своеобразным лейтмотивом наших унылых вечеров.

— Где папа? — спросила я, не поднимая взгляд. — Он придёт на ужин?

Отец уже больше полугода не присутствовал на ужинах, но я всё равно каждый раз задавала маме этот вопрос. И она каждый раз отвечала:

— Не знаю.

Обычно я заканчивала разговор на этом моменте, но сегодня решила продолжить. Сама не знаю почему. Может, я просто хотела вывести её хоть на какие-нибудь эмоции?

— Тебе не интересно, где он находится? — я демонстративно перевела взгляд на настенные часы, а затем на маму. — Его рабочий день давно закончился.

Росфилд окружает густой непроходимый лес. Каждый третий житель этого города трудится на деревообрабатывающем заводе, которым управляет мой отец. Благодаря ему мы с Сэмом никогда ни в чём не нуждались, а мама ни дня в своей жизни не работала. Раньше папа приходил домой не позже семи вечера, но в последнее время он стал задерживаться на работе допоздна. Точнее, до полуночи.

— Мне все равно, где твой папаша, — последнее слово она выплюнула, словно яд. — Если хочешь, можешь сама позвонить ему и спросить, где, чёрт побери, он находится.

Другого ответа я не ожидала.

Пока я пыталась найти в себе силы жить дальше, брак моих родителей трещал по швам. Не зря слово брак имеет два значения. Мама день за днём опустошала винный погреб, а папа приходил домой только переночевать. Выбор у него небольшой: раскладное кресло в кабинете или диван в гостиной. Вход в родительскую спальню был для отца закрыт. От нашей семьи осталась лишь общая фамилия, и я не понимала, почему мы до сих пор живём под одной крышей.

После короткой паузы мама вновь заговорила:

— Он каждый божий день выносит мне мозг, — она приложила палец к виску и тяжело вздохнула. — Не могу поверить, что прожила с этим человеком почти двадцать лет...

Мои брови полезли на лоб.

— Он тебе? — переспросила я, не сдержав злую улыбку. — Шутишь?

— На что ты намекаешь, Джуди? — нахмурившись, мама вгляделась в моё лицо. — Думаешь, что проблема во мне?

— Я намекаю на хорошего психиатра, мам.

Она несколько долгих секунд смотрела на меня с плохо скрываемым раздражением, а затем сделала очередной глоток вина и сквозь зубы произнесла:

— Ты уже взрослая девочка и должна понимать, что в отношениях между мужчиной и женщиной бывают кризисы!

— Разведитесь, — я старалась говорить спокойно, хотя в моих венах закипала кровь. — Хватит мучать друг друга.

Хватит мучить меня!

Мама одним глотком осушила бокал и встала из-за стола.

— Ты копия своего отца! — крикнула она, взмахнув руками. — Эгоисты! Думаете только о себе, а о моих чувствах кто-нибудь хоть раз спросил?!

Развернувшись, она вышла из столовой, оставляя последнее слово за собой.

Мой рот округлился от изумления.

Я вскочила со стула и последовала за мамой в гостиную, сжимая кулаки.

— Мы не договорили!

— Я устала. Оставь меня в покое, Джуди. Пожалуйста.

— Чёрта с два!

Мама легла на диван, взяв перед этим бокал красного вина, который дожидался её на журнальном столике.

— Ты весь день сидишь дома, смотришь свои идиотские сериалы и уничтожаешь вино по акции, — злость пробрала меня до кончиков пальцев. — От чего ты устала, а?

В гостиной звучала опера Моцарта, заглушая мой голос. Мама любила отключаться под классическую музыку. За год я выучила все композиции Моцарта, Шопена, Вивальди, Брамса и Чайковского. Я знала, что до конца своих дней буду их ненавидеть. Они ассоциировались у меня лишь с матерью, еле стоящей на ногах.

— Да чтоб тебя, Клэр! — прозвучал грубый голос за моей спиной.

Я вздрогнула и обернулась. В дверях стоял папа. Мятая рубашка, коричневый потёртый портфель, трёхдневная щетина и бесконечно уставшие глаза. Удивительно, но из нас троих он единственный, кто всё ещё оставался на плаву.

— Привет, — я переступила с ноги на ногу. — Ты сегодня рано...

Папа перевёл взгляд на меня и вздохнул.

— Я ненадолго.

— Поужинаешь?

Нам приходилось перекрикивать «Волшебную флейту», чтобы услышать друг друга.

— Перекусил на работе.

— Как прошёл день?

— Как обычно, — он подошёл к магнитофону и выдернул провод из розетки, погружая комнату в гнетущую тишину. — Ты как?

— Нормально, — пожала плечами я.

Папа кивнул, прошёл мимо меня и встал перед мамой, давая понять, что наш диалог окончен.

Родители будто сговорились. Мне иногда казалось, что они живут в собственном мире, где их проблемы и заботы являются единственной реальностью. И в этой реальности места для меня нет.

— Джуди, иди в свою комнату, — скомандовал папа, не взглянув на меня. — Мне нужно поговорить с твоей матерью наедине.

«С твоей матерью», — это прозвучало так, словно она для него посторонняя женщина.

Я не сдвинулась с места.

— Правильно, Джуди, — фыркнула мама. — Не позволяй собой помыкать.

Папа тяжело вздохнул, а затем одним резким движением стянул маму с дивана.

— Завязывай, Клэр, — его лицо покраснело от злости. — Какой пример ты подаёшь дочери?!

— Убери руки, — закричала мама, отталкивая его от себя. — И не смей приближаться ко мне!

В моей груди вспыхнула жгучая боль, словно чья-то невидимая рука сжала моё сердце. Мне хотелось закричать, но я молчала, потому что знала: в этом доме меня никто не услышит.

— Знаешь, почему я прихожу домой после полуночи? — спросил отец.

Мама подняла на него презрительный взгляд.

— Не хочу видеть, как мать моих... моего ребёнка превращается в животное.

— Может, расскажем Джуди, кто из нас на самом деле является животным?

— Закрой рот, Клэр! — процедил он.

Я смотрела на ссору родителей, как на сцену в немом кино. Один актёр оживленно жестикулировал, второй корчил презрительную гримасу, упирая руки в бока. Они были совершенно непохожи друг на друга. Различия были видны в их жестах, в выражениях лиц и даже в том, как они стояли друг напротив друга. Поверят ли зрители, что на самом деле это муж и жена, прожившие двадцать лет в счастливом браке? Я ждала, что вот-вот раздастся голос режиссера «Стоп! Снято!» и аплодисменты съёмочной группы, поражённой правдоподобностью игры.

Но громкий рык отца вернул меня в реальность.

— Выпей хоть всё вино в этом городе, — он смотрел на маму с отвращением. — На здоровье.

— Так и сделаю, ублюдох, — ответила мама с улыбкой, а затем выплеснула содержимое своего бокала на папину белую рубашку. Красное вино, словно кровь, растеклось по его груди.

— У тебя совсем крыша поехала? — отец оттолкнул её обратно на диван и направился в сторону своего кабинета. — Паршивая сука.

Мои руки затряслись, а горло сжалось. Я перевела взгляд на маму. По её щекам текли слёзы, а по рукам — вино.

— Уйди, Джуди, — сказала она в перерыве между всхлипами. — Поднимись в свою комнату!

На мгновение я замерла.

Внутренний голос подсказал: «Беги!»

Именно так я и поступила.

